

ОЛЬГА КНИППЕР-ЧЕХОВА: «ЧЕХОВ МЕЧТАЛ О ЖЕНЩИНЕ-ЛУНЕ»

Однажды Чехов задумал сочинить толстенный роман под названием «О любви». Долгие месяцы Антон Павлович писал, потом что-то вычеркивал, сокращал. В итоге от романа осталась единственная фраза: «Он и она полюбили друг друга, женились и были несчастливы»... В окружении писателя считалось, что этими словами выражена суть отношений самого Чехова с актрисой Ольгой Книппер.

Однажды в один из приездов Чехова в Москву у него за полночь засиделся Иван Алексеевич Бунин. Туберкулез уже «доедал» Антона Павловича, и, по-хорошему, ему давно пора было в постель, но двух великих писателей слишком захватила беседа о том, как трудно найти сюжет. Взались просматривать газеты. Антон Павлович вдруг захохотал:

— Слушайте! Самарский купец Бабкин завещал все свое состояние на памятник Гегелю.

— Вы шутите?

— Ей-богу, нет! Гегелю!

Как же они смеялись! До слез, до спазма в животе. Но тут домой вернулась рядная, оживленная Ольга Леонардовна («пахнувшая вином и духами» — запишет Бунин в воспоминаниях). На часах — начало пятого утра. Видно, опять после спектакля ездили с Москвиным и Качаловым (последний, говорили, страстно влюблен в нее) слушать цыган к «Яру» или бродили по ночному лесу — Ольга Леонардовна была мастерицей на такие выдумки.

— Ну что же ты не спишь, дуся?.. — обратилась она к мужу. — Тебе вредно. А вы тут еще, Букишончик? — это уже Бунину. — Ну конечно, он с вами не скучал!

Веселье испарилось мгновенно. «Мне пора», — сказал Бунин, холодно поклонился Ольге Леонардовне и вышел вон. Что и говорить, Иван Алексеевич крепко не любил эту женщину! Да и никто в чеховском окружении ее не любил: ни родственники, ни друзья, ни коллеги, ни читатели.

Ее будущее через край жизнелюбие по контрасту с болезненностью Антона Павловича находили отталкивающим. Книппер упрекали в том, что она бросила мужа одного в Ялте и продолжала жить в Москве, предпочтя благородной роли сиделки куда более приятную — театальной примы, любимицы публики, соблазнительницы мужчин. Кроме того ее считали дурой. Большой популярностью в околосредствительных гостиных пользовался, например, такой анекдот из жизни: Чехов в Ялте отчаянно скучает, а «эта безмозглая немка» предлагает смягчить тоску, вывесив перед домом намалеванную на театральном заднике «Москву». «Какого места ты пожелаешь... чтобы тебе приятно было взглянуть из окна?» — цитировалось злополучное письмо Ольги Леонардовны. Поговаривали и о том, что она специально окрутила Чехова, чтобы все пьесы доставались ее любовнику — режиссеру Немировичу-Данченко и репертуар Московского Художественного театра вовремя пополнялся. Мол, ей наплевать, что Антон Павлович плох и не может уже писать больше, чем по 6—7 строк в день, — знай бомбардирует его письмами: «Ты сел за «Вишневы сад»? Так нельзя, дусик, милый, киснуть и квасить пьесу». А уж когда Чехов умер в Баденвейлере и жена привезла его тело на родину (избежать задержек удалось лишь благодаря личному знакомству с министром-резидентом России при Баденском дворе, который предоставил для перевозки вагон-холодильник), на Книппер обрушился поток оскорблений: мол, только

бесчувственная идиотка могла взять тело великого писателя вместе с устрицами!

Разумеется, никаких устриц в том траурном поезде не было, хотя действительно именно в таких вагонах-холодильниках и устрицы, и рыба, и много чего еще перевозилось по Европе. Любая оплошность Ольги Леонардовны, любое необдуманное слово всегда бывали кем-нибудь замечены, переиначены, снабжены неким символическим смыслом и беспощадно осуждены.

А вот в театральном кругу Ольгу Леонардовну любили, уважали и жалели. И знали: была бы ее воля, она ни за что не оставила бы Чехова одного умирать в Ялте, потому что боготворила его и считала лучшим человеком на Земле...

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ

«Если не уверена, что перед тобой — лучший человек на Земле, замуж не выходи, — убеждал юную Оленьку Книппер Митенька Гончаров году этак в 1888-м. — А лучше и совсем никогда не выходи, потому что глупо! Куда как лучше пойти на женские курсы, найти работу бухгалтера или стенографистки... Ты хочешь в артистки? Можно и в артистки, это все равно. Только работа дает человеку сознание: меня так просто из жизни не вычеркнут! А замужество — что ж! Теперь все прогрессивные люди — за свободную любовь». О сцене Оленька действительно мечтала страстно. Вот только замуж она все-таки хотела, причем именно за лучшего человека на Земле. В то время ей казалось, что таковым является сам Митенька Гончаров.

Даром что богат, аристократических кровей — из того же рода, что и супруга Пушкина, — Митенька имел самые демократические и прогрессивные взгляды: круглый год ходил в красной рубашке, водил дружбу с рабочими собственного полотняного завода и в подражание Рахметову спал на голых досках. Впрочем, ради прекрасных глаз Оленьки Книппер — лучших, светящихся ожиданием счастья —

он готов был поступиться собственными принципами и, отвергнув идею свободной любви, жениться. Да только Митенькина мать — Ольга Карловна Гончарова — вовремя вмешалась. Она сказала: «Митя, передай Ольге: если она и вправду пойдет на сцену, ей придется порвать с нашим кругом. В любом случае я запрещаю тебе даже заикаться о свадьбе. Во-первых, Ольга лютеранка, а во-вторых, бесприданница».

Оленька и сама жила когда-то не хуже Митеньки Гончарова: ее отец, обрусевший эльзасский немец, служил управляющим на большом заводе, имел в Москве дом, полный прислуги, роскошный выезд, великосветские знакомства... По тогдашней моде был заведен у Книпперов и домашний любительский театр, которым юная Ольга как-то уж слишком увлеклась. «Маменька, но ведь и вы в юности мечтали об искусстве и, когда родители не пустили вас в консерваторию, страдали?» — спрашивала Оленька Анну Ивановну, а та отвечала: «Да, я страдала, и ты страдай. Пусть у тебя на душе будет камень, но честь семьи — превыше всего!» Страдать жизнелюбивая Ольга решительно не умела, а судьба распорядилась так, что и не пришлось. Отец скоропостижно умер, и оказалось, что банковские счета пусты, а долгов — море. Вот тогда-то Анне Ивановне и пришлось, забыв про честь семьи, заняться-таки музыкой. Она стала давать уроки пения в Филармоническом училище и даже составила протекцию для Ольги на актерском отделении.

Ольге повезло: ее зачислили на курс Немировича-Данченко. И к концу выпускного года Ольга знала: лучший человек на Земле, талантливейший, умнейший, прогрессивнейший — это ее учитель, Владимир Иванович. И, конечно, она с радостью пойдет в театр, который Немирович-Данченко намерен открыть совместно с актером-любителем Станиславским. Будь ее воля, она вообще никогда не расставалась бы с Владимиром Ивановичем. Но, увы!

Антон Павлович Чехов и Ольга Леонардовна Книппер вскоре после свадьбы. 1901 г.

Он был женат... К слову, театральным фольклор приписывает великому режиссеру чрезвычайную любвеобильность, особенно в отношении актрис Московского Художественного театра, за что ему, говорят, не единожды пенял идеалист Станиславский, мечтавший видеть их театр исключительно храмом высокого искусства.

14 июня 1898 года в подмосковном Пушкино (неподалеку от Любимовки — имения Станиславского) был назначен первый сбор труппы. Ольга Книппер — среди первых актеров, принятых в МХТ. Ей положили жалованье 60 рублей — для вчерашней студентки неплохо. И вот в обыкновенном сарае на берегу Клязьмы начались изнурительные репетиции «Царя Федора Иоанновича». Константин Сергеевич то и дело кричит кому-то: «Не

верю! Назад! Снова!» А по вечерам актеры по очереди дежурят «по хозяйству»: прислуги не было. И готовили, и на стол накрывали, и убирали — все сами. Да и выглядели мхатовцы совсем не так, как в те времена имели обыкновение выглядеть актеры. Во всяком случае, когда Московский Художественный впервые приехал на гастроли в Санкт-Петербург, встречавшие даже не узнали их на вокзале: закрытые строгие платья, простые длинные юбки с белыми английскими блузками, как у курсисток... Никаких перьев, кружев, турнюров...

К счастью, Ольга имела уникальный дар: и в самом простом платье выглядеть элегантно и аристократично. В театре ее прозвали Наша Герцогиня, и сама Ламанова — лучшая из московских портних —

не считала зазорным обшивать ее в долг. В искусстве одеваться и держаться с Книппер могла поспорить лишь актриса Мария Андреева. Дело в том, что в Московском Художественном были две примы — по числу содиректоров. Один из них — Савва Морозов — поддерживал свою возлюбленную, Андрееву. Другой — Немирович-Данченко — соответственно, Книппер. Если главная роль доставалась последней, Савва Тимофеевич, крупнейший пайщик театра, наказывал МХТ рублем. И все же Немирович стоял на своем: «Андреева — актриса полезная. А Книппер — до зарезу необходимая». В какой-то момент содиректора даже перестали здороваться, а примы считали нужным делать вид, что между ними — мир и согласие. Старожилы МХАТа вспоминают, как однажды Андреева и Книппер затеяли шуточные фанты: разыгрывалось, кто из знаменитых литераторов кому из актрис достанется. Поразительно, но Андреева вытянула бумажку с именем Горького (через несколько лет Мария Федоровна действительно стала его возлюбленной), а Книппер — Чехова!

А вскоре Чехов и Книппер познакомились: он специально приехал из Ялты, чтобы посмотреть репетицию «Чайки». Тот, чьими рассказами вот уже лет десять зачитывалась образованная Россия, оказался обаятельным, ироничным, совсем еще не старым мужчиной со спокойными и умными глазами. О том, что он тяжело болен, почти нельзя было догадаться. Разве что сутулился чуть-чуть, а у губ — глубокие складки, какие бывают у людей, много страдающих. Ольгу Чехов сразил: вот он, лучший человек на Земле, и с ним она обязательно станет счастливой! В памяти всплыли обрывочные сведения: земский врач, лечаший бесплатно тех, кто не может заплатить, строящий больницы и школы, а гениальную литературу создающий как будто бы между делом... Ему под сорок, женат никогда не был и, кажется, одинок...

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК С ХОЛОДНЫМ СЕРДЦЕМ

А ведь женщины были от него без ума. Брала его приступом. Соблазняли. Интриговали. Пускали под откос собственную жизнь. Пали на колени и заламывали руки. Но никакие бури, бушевавшие в женских сердцах, в его собственном сердце отклика почти не находили. «Он лишен способности страстно, самозабвенно любить, — рассказывала одна из возлюбленных Антона Павловича. — Видно, его маленьким слишком мало ласкали». С женщинами он всегда был немножко Тригориным из «Чайки». Кстати, Нину Заречную он «списал» с очередной своей возлюбленной — Лики Мизиновой, литераторши и художницы. Их переписка весьма многое проясняет в характере Антона Павловича. «Не могу без тебя жить», — пишет ему Лика. Чехов отвечает: «Что за мерлихлюндия?» Мизинова: «Скоро ли ваша свадьба с Лидией Борисовной? (актрисой Яворской. — Прим. авт.) Позовите тогда меня, чтобы я могла ее расстроить, устроивши скандал в церкви». Она страдала, а он отшучивался: «В жизни у меня крупная новость, событие... Женюсь? Угадайте: женюсь? Если да, то на ком? Нет, я не женюсь, а продаю свои произведения». Романов Антон Павлович пережил немалое, и каждый раз не он был инициатором, и каждый раз ему скоро становилось скучно, и каждый раз, не успев даже как следует очароваться, он горько разочаровывался.

И все же время от времени Чехов подумывал о женитьбе. Но только было у него неперемное условие, сформулированное в письме к одному приятелю: «Если вы хотите, женюсь, но она должна жить в Москве, а я в деревне. Счастья же, которое продолжается каждый день от утра до утра, я не выдержу... Дайте мне такую жену, которая, как луна, будет являться на моем небе не каждый день». Но женщины, которая согласилась бы не завладеть им целиком, все не находилось...

Детей ей Бог не дал. Неунывающая Книппер стала нежно заботиться о собаках. 1910 г.

И ЧЕЛОВЕК
ИМ СЕРДИЛ...

И вот весной 1901 года Чехов сказал Бунину: «Знаете, я женюсь. На Ольге Книппер». «И сразу стал шутить, что лучше жениться на немке, чем на русской, она аккуратнее, и ребенок не будет по дому ползать и бить в медный таз ложкой...» — вспоминает Иван Алексеевич.

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ КОНЕМ НЕ ОБЪЕХАТЬ

«Ну, милая моя Олечка, только тебе одной удалось окрутить моего брата! — говорила Мария Павловна Чехова. — Тебя конем трудно объехать!» И правда, с Ольгой у Чехова с самого начала вышло не совсем так, как с другими. Она не была ни особенной красавицей, ни большим философом. Она даже не была молода: шутка ли — тридцать три года! Но ее энергия, жизнелюбие, веселость словно вливали в него, слабого и больного, новые силы. В ней было очень много того, что сегодня назы-

На репетиции «Чайки» в МХТ. В центре (справа налево): Чехов (сидит), Немирович-Данченко, Книппер, Станиславский. 1899 г.

вается «сексапильностью», а в начале XX века звалось «очарованием женщины». Недаром она никогда не играла барышень, а только дам. «Всегда не весна, а лето, всегда зрелость, полнота, женское, а не девичье «смятение чувств», — писали про нее. И эта ее «зрелость» пробудила в Чехове настоящую страсть. «Можно тебя перевернуть вверх ногами, потом встряхнуть, потом обнять и укусь за ушко?», «Обнимаю тебя так крепко, что ты даже запишала», «Целую тебе обе руки, лоб, щеки, плечи, глазу тебя всю, обнимаю и опять целую» — таких слов, как Ольге, он никому никогда не писал.

Нравилась Чехову и привязанность Книппер к Москве, к Художественному театру: «счастье с утра до утра» не грозило. Но, пожалуй, главное, что его привлекло в Ольге, — она была актриса. Именно такая, какая нужна, чтобы играть в его пьесах, так не похожих ни на какие другие пьесы в мире.

Пьесы Чехова и до МХТ шли на театральных сценах — с огромным неуспехом. «Иванов» провалился в Малом театре в Москве, премьера «Чайки» в Санкт-Петербурге закончилась скандалом... Ее устроили в бенефис комической актрисы Елизаветы Левкеевой (она сыграла Аркадину), и публика, ожидавшая комедии, была разочарована и стала топтать и орать: «Прекратите этот бред!». Чехов скрылся из зала, его до утра не могли найти, а когда отыскали, пришлось везти в больницу: у Антона Павловича открылось страшное кровохарканье.

К счастью, Станиславский уговорил Чехова сделать еще одну попытку. Премьера шла в абсолютной тишине — и пьеса, и исполнение, и декорации привели публику в недоумение. А когда последний акт был сыгран и занавес опустился, зал взорвался аплодисментами. Кое-кто из зрителей даже вскакивал на стулья, чтобы лучше рассмотреть мало кому известную

С Константином Сергеевичем Станиславским. Сцена из спектакля «Вишневый сад». 1904 г.

ЛУЧШЕЕ ЦЕНОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СЕВЕРНОМ ОКРУГЕ

от 1110 \$/м²

от 1650 \$/м²

• Близость транспортных

Василий Иванович Качалов нежно, преданно и безответно любил Ольгу долгие годы.
На прогулке в Санкт-Петербурге. 1912 г.

актрису Ольгу Книппер, так проникновенно, так блестяще сыгравшую роль, которую незадолго до этого провалила знаменитая Левкеева. Увидев Ольгу Леонардовну в «Чайке», Чехов принялся ухаживать...

«Здравствуй, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской», — написал Чехов Ольге из Ялты. Так начался их «роман по переписке», плавно переросший в «супружество в письмах». Немирович, как благородный человек, препятствий чинить не стал и пожелал молодым счастья. Тем более что театра Книппер, кажется, бросать не собиралась.

Все попытки Ольги перебраться в Ялту на сколько-нибудь значительный срок мягко, но решительно отклонялись Чеховым. Впрочем, он объяснял это скорее интересами театра, чем собственной боязнью «счастья от утра до утра». И писал Ольге: «Если теперь мы не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

Свадьба была тайной: «Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться», — объяснил Чехов свое требование. И даже родному брату, случайно встреченному на улице за час до женитьбы, Антон Павлович ничего не сказал, а сестре постфактум написал: «Я женился. Сей мой поступок насколько не изменит моей жизни. Мать, наверное, говорит уже бог знает что, но скажи ей, что перемены не будут решительно никаких, все останется по-старому».

Иногда Ольга бунтовала. В письмах, разумеется: «Получается чепуха из нашей жизни!» Антон Павлович писал: «Я ведь знал, что женюсь на актрисе, т. е. когда женился, ясно сознавал, что зимами ты будешь жить в Москве. Ни на одну миллионную я не считаю себя обиженным или обделенным — напротив, мне кажется, что все идет хорошо». А она все не могла поверить в то, что он говорит совершенно искренне: «Я ужасная свинья перед тобой. Какая я тебе жена? Раз я на сцене, я должна была остаться одинокой и не мучить никого». А Чехов отшучивался в своей манере: «Значит, ты меня уже бросила? Уже не любишь? Если так, то напиши, и я вышлю тебе твои сорочки, которые лежат у меня в шкафу, а ты вышли мне калоши

мои глубокие. Если же не разлюбила, то пусть все остается по-старому».

При этом оба супруга страстно хотели детей. Первая беременность Ольги Леонардовны в 1901 году закончилась выкидышем. «Дуся моя, замухрышка, собака, дети у тебя будут непременно, так говорят доктора, — пишет ей Чехов. — У тебя все в целости и исправности, будь покойна, только недостает у тебя мужа, который жил бы с тобой круглый год. Но я так и быть уж, соберусь как-нибудь и поживу с тобой годик неразлучно и безвыездно». И вот весной 1902 года Ольга Леонардовна снова поняла, что беременна. Она очень береглась, хотела было оставить театр, но Немирович уговорил ее съездить напоследок на гастроли в Санкт-Петербург. Люк во время спектакля на сцене почему-то оказался открытым... После перенесенной операции детей у Книппер быть не могло. «Скоро получишь осрамившуюся жену. Оскандальлась», — пишет Ольга Леонардовна Чехову.

К счастью, «сломать» Ольгу Леонардовну было трудно, и она очень скоро оправилась. Тем более что любимый муж, раньше лишь ненадолго навешавший Ольгу в Москве (преимущественно в дни премьер в МХТ), согласился пожить там несколько месяцев. Была приготовлена квартира, светлая, теплая и сухая, с хорошей печкой и уютным круглым столом. Да только чуть ли не в день приезда Антон Павлович сильно простудился в Сандуновских банях: одеваясь, в предбаннике увидел одного знакомого — навязчивого, болтливого, глупого — и сбежал от него на улицу, даже как следует не обсохнув.

В результате туберкулез так обострился, что врачи велели срочно ехать на курорт для легочных больных, в городок Баденвейлер на юге Германии. Ольга Леонардовна взяла отпуск в театре. Она, наконец, воссоединилась с мужем, но Антон Павлович был очень плох. Страшно похудевший, с узким бескровным лицом и страшными, мертвенными руками, он целыми днями лежал на диване, обложенный подушками и закутанный в шерстяной плед. В ночь с первого на второе июля (по новому стилю — с четырнадцатого на пятнадцатое) 1904 года Чехов попросил позвать доктора, сказал: «Ich sterbe» («Я умираю»). — Нем.). Доктор осмотрел больного и велел... выпить

шампанского. Антон Павлович взял бокал, а Ольга Леонардовна смотрела на него и улыбалась: она вспоминала, как перед свадьбой Чехов «ужасно боялся шампанского». Даже в эту ночь она не верила, что ее муж вот так возьмет и умрет. Она не заметила, когда Чехов перестал дышать, потому что прогоняла непонятно откуда появившуюся в комнате огромную черную бабочку, обжигавшую крылья о раскаленное стекло электрической лампочки...

СЕДАЯ КРАСАВИЦА

Ольга Леонардовна исчезла из театра на несколько месяцев, жила затворницей, писала письма своему мертвому мужу... А потом ее жизнелюбивая натура стала понемногу брать свое. После того как Книппер — по-прежнему изящная, нарядная — в первый раз появилась на репетиции, давний друг и партнер Василий Иванович Качалов прислал ей гигантский букет с веселой записочкой, где признавался в любви и просил руки (в шутку? всерьез?). Впрочем, Ольга Леонардовна предпочла считать это шуткой — точно так же, как и в десятках других случаев, когда ее потом звали замуж. «Я никого не могу представить себе на месте Антона», — объясняла она.

Она старела, но ей удивительно шла ее серебристая седина. Глаза же оставались молодыми и задорными, походка — легкой, талия — тонкой, платья (по-прежнему «от Ламановой») — элегантными, пальцы, державшие то веер, то папироску, были унизаны перстнями с сапфирами и бриллиантами. Вадим Шверубович, сын Качалова, вспоминает, как во время скитаний «качаловской труппы», покинувшей Россию после революции, Ольга Леонардовна сидела в грязной и тесной теплушке на своем чемодане, поставив второй на попу — на манер стола. «На нем была постелена белая кружевная салфетка, стоял стеклянный пестрый подсвечник с огарком свечи, лежала книга в парчовом футляре, ножик слоновой кости торчал из книги. Ноги Ольги Л. были закутаны в одеяло из лисьих шкур. Она спокойно полировала ногти замшей и напевала: «Уж вечер, облаков померкнули края». Кругом грязь, кровь, вши, ревет норд-ост, орут беженцы, где-то стрельба, а она...»

Вернувшись в Москву, Ольга Леонардовна скоро обнаружила, что для социалистического театра не годится: рожденная для драматургии Чехова, Шекспира, Гамсуна, она совсем не умела играть простых женщин. Пришлось уйти со сцены. В 1940 году Немирович-Данченко возобновил «Трех сестер» и позвал на премьеру свою бывшую приму. Машу теперь играла Алла Константиновна Тарасова, и играла замечательно! Книппер аплодировала ей горячее всех, а в антракте стояла, прислонившись лбом к знакомой стене, и плакала: «Все прошло, все прошло...» Это был первый и последний раз, когда ее — такую лучезарную, такую жизнерадостную — видели в унынии и тоске.

Книппер и шестидесятилетняя кружила головы. И свой последний страстный роман пережила именно в этом возрасте. Причем ее возлюбленный был младше на... 30 лет! Литератор Николай Дмитриевич Волков был известен как автор театральных инсценировок (в том числе знаменитой «Анны Карениной» во МХАТе). К несчастью, их тайный роман скоро стал явным. И жена Николая Дмитриевича, эстрадная певица Казароза, от ревности и тоски покончила жизнь самоубийством.

С тех пор роман Книппер и Волкова был обречен, и в конце концов они действительно расстались. Но имя Ольги Леонардовны снова склонялось на каждом углу, и снова обвинения не было конца...

О МНОГОЛИКОСТИ СЧАСТЬЯ

Если она и позволяла себе иногда пожаловаться, то только Качалову, с которым в конце концов стала почти неразлучна. Это трудно назвать романом: все-таки оба были сильно пожилыми людьми. Скорее, это была нежная, трепетная дружба. Качалов, сняв пенсне и прикрыв глаза рукой, читал ей стихи. Дарил цветы. Водил ее, с некоторых пор полуслепую, на прогулки. Она рассказывала, как больно ее ранят обвинения в том, что она была Антону Павловичу плохой женой. Василий Иванович утешал: «Олюшка, как ты можешь расстраиваться из-за этих людей, неумных и несправедливых? Они говорят, что писателю нужна такая же жена, как и обыкновенным людям: чтоб смотрела за прислугой и разливала чай

РИА-НОВОСТИ

Книппер дожила до 91 года, она была одинока, почти ослепла, ей трудно было дышать. Но выглядела она по-прежнему нарядно и изысканно, а глаза ее светились счастьем

из самовара. Но Чехов недаром полюбил тебя, увидев на сцене. Он полюбил Актрису! До встречи с тобой Антон Павлович был одинок и холоден душой. Ты заставила его испытать страстную любовь, к тому же взаимную. Это ли не настоящее счастье? Вот у Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга». Ошибся Лев Николаевич! Счастье многолико».

Ольга Леонардовна слушала и соглашалась. Ведь взята хотя бы ее сама: пережив две великие любви — к Чехову и к театру, лишившись и того и другого, она, ослепшая, больная, по-прежнему чувствует себя счастливой. В конце концов, когда умер Антон Павлович, на Земле не осталось человека лучше Качалова, а он уже много лет преданно и верно любит ее — разве этого недостаточно?

Впрочем, Ольга Леонардовна и Качалова пережила на долгих одиннадцать лет. В 91 год она уже почти не вставала с постели, что-либо разглядеть могла лишь с помощью огромной лупы, ей трудно было дышать, она была одинока, но выглядела нарядно и изысканно. Как ей это удавалось? Загадка! Впрочем, ей по-прежнему было ради кого наряжаться: Ольгу Леонардовну не забывали. На стареньком пианино для нее играл то Святослав Рихтер, то Лев Книппер — племянник, пианист и композитор (прославившийся песней «Полюшко-поле» — частью одной из его симфоний). До последнего дня гостей Ольга Леонардовна встречала бодрым и жизнерадостным: «Это кто же пришел? И прекрасно, очень рада!»

Ирина ЛЫКОВА